

⊕

Темыр Хагуров,
доктор социологии, профессор Кубанского
государственного университета,
ведущий научный сотрудник Института социологии РАН

ВОЙНА, КОТОРУЮ МОЖЕТ ВЫИГРАТЬ УЧИТЕЛЬ ИСТОРИИ И ЛИТЕРАТУРЫ

**Размышления социолога
к 150-летию окончания Кавказской войны**

⊕

В конце мая 2014 года мне пришлось участвовать в работе двух круглых столов, посвящённых 150-летию окончания Кавказской войны. Это очень важная дата, которой краевые власти традиционно уделяют внимание, что совершенно оправдано. Отношения Кавказа и России прошли исторический сложный и долгий путь, путь от войны к совместному государственностроительству, путь, наполненный трагическими и великими поражениями и победами. На Кубани, исторически соединившей Кавказ с Россией, это чувствуют особенно сильно.

Начну с того, что представляется социологу наиболее важным: а зачем вообще специально вспоминать в настоящем события прошлого? Классический и самый полный ответ на этот вопрос дали два великих мастера слова — Цицерон и А. Пушкин. Первый сформулировал кредо исторической прагматики: «История — учительница жизни». Человек, не знающий истории, обречён повторять ошибки прошлых поколений. Второй — основы исторической метафизики:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

ИСТОРИЯ

(На них основано от века,
По воле Бога Самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его).

Пушкинское «самостоянье» в терминах политической и социальной теории переводится как «субъектность» — то есть способность сохранять себя (своё «Я», свои корни, свои ценности) в жизни и действии. Человек, не знающий истории, легко теряет субъектность, свои корни, своё «Я».

Сегодня на примере братской страдающей Украины мы наглядно видим, к чему может привести неверно понятая и неверно интерпретированная история: она становится тараном, разрушающим общество и государство. (прежде всего, в лице молодёжи, воспитанной на исторических мифах). Молодёжи, повторяющей ошибки и утратившей субъектность. Разумеется, за спинами наивно-озверевшей молодёжи, бросающей «коктейли Молотова» во имя «восстановления исторической справедливости», всегда стоят совсем другие — взрослые, умные, холодные и злые люди. Но о них — разговор особый, требующий другой аналитики и другого формата обсуждения.

В этой же статье мне бы хотелось поговорить скорее об ошибках понимания истории, нежели о злом умысле. *Проблемы истории тесно связаны с проблемами языка и ли-*

тературы, и в жизни — ещё сильнее, чем в школьной программе. Об этих проблемах тоже необходимо будет сказать несколько слов. Однако начну размышления об этих проблемах со смысла и значения уже упомянутой даты — годовщины 150-летия окончания Кавказской войны.

Любой подобный разговор должен быть одновременно и искренним, и объективным (беда, когда искренность и объективность противоречат друг другу), поэтому нужно сразу сформулировать три принципиальных положения. *Первое* касается настоящего: мы — этнические кавказцы и русские (так же, как и татары, и башкиры, и удмурты, и калмыки, и прочие этносы Великой России) — *один народ*. Мы — имперский народ — россияне или русские в том значении, в котором о нас говорят на Западе и во всём мире — «the Russians». О том, что именно формирует единый народ из разных этносов и этнических групп, будет сказано ниже. *Второе* — великие имперские народы складываются не сразу, не без проблем, этот процесс никогда не бывает гладким и безболезненным. *Третье* — будучи единым народом в настоящем, мы можем очень по-разному относиться к нашему общему прошлому.

Теперь собственно о Кавказской войне, воспоминания о которой стали поводом к этим размышлениям.

Точек зрения на Кавказскую войну и её последствия сегодня много. Часть из них тяготеет к «чистой истории», пытающейся идти путём хронографирования фактов и событий. Часть — к истории открыто политизированной, пытающейся спекулировать на прошлом. Истина же, как обычно, где-то посередине.

Основных версий политизированной истории две — обе они связаны с *чрезмерной* либо *героизацией*, либо *трагедизацией* Кавказской войны. К первой тяготеют некоторые представители казачества, ко второй — некоторые представители горских народов. И мне представляется, что в сегодняшней очень сложной и противоречивой российской действительности обе эти версии одинаково плохи: служение пышных молебнов и прославление побед с одной стороны также исторически неправильно, как и стенания о «геноциде» и «восстановлении исторической справедливости» с другой. И то, и другое *разрушает единство нашего настоящего в угоду избирательно поминаемому и принимаемому прошлому*.

Да простят меня все мои соотечественники, придерживающиеся иной точки зрения, лично мне — адыгу, знакомому с историей своего народа (выпускнику исторического факультета) и социологу в одном лице, представляется, что Кавказская война была *трагичным,*

болезненным, очень противоречивым и часто нелепым, но необходимым этапом формирования Великой исторической России. Кавказ не сразу и не просто, болезненно и трудно, но вошёл в великую семью российских народов. И в этом, в конечном счёте, благо как России, так и Кавказа как её неотъемлемой части. Неслучайно этому отчаянно сопротивлялись и тогда, и теперь все геополитические противники России — от Англии, Франции и Османской империи тогда до современных США, истово желающих ревизионировать итоги Кавказской войны теперь.

Но верно и другое. Будучи едины в нашем настоящем, мы — адыги (и вообще кавказцы) и русские (особенно казаки) сегодня с очень разными акцентами воспринимаем далёкое и одновременно близкое прошлое Кавказской войны. Для горцев воспоминания о войне — в первую очередь трагичны, ведь война ими была *проиграна*. Да, они вошли в состав Империи, да многие потом служили в императорской гвардии, но войну они — бесстрашные и воинственные, воспитанные на идеалах воинской доблести и чести — *проиграли*. Для русских, пришедших на Кавказ, и для казаков, как авангарда этого процесса, всё ровно наоборот — они *выиграли*. Это нужно понимать, с этим нужно считаться, и этот расклад обстоятельств и их последствий требует особой, истори-

ИСТОРИЯ

ческой и политической *деликатности*. Нужно понимать, что горские и русские (казачьи) герои Кавказской войны находились по разные стороны баррикад. А значит восхищение мужеством и доблестью одних равно воспоминаниям о поражении и вдовьих слёзах со стороны других. Это — историческая правда, и её нельзя игнорировать, иначе по-разному понимаемая эта правда сразу становится объектом политических спекуляций, чему примеров в постсоветских реалиях ситуации на Кавказе более чем предостаточно. Недоучёт этой правды и требуемой ею деликатности вполне может привести нас к трагедии, аналогичной украинской.

А как тогда прикажете понимать историю? — воскликнет возмущённый читатель. Что делать? Этот вопрос, гораздо более конструктивный, чем первый, традиционно волнующий русскую интеллигенцию (кто виноват?), требует развёрнутого ответа и выводит нас за рамки разговора о собственно Кавказской войне к вопросам более общим и глубоким.

Вопрос первый: с каких позиций, в каком ключе, и — главное — для чего вообще нужно вспоминать исторические события нашего прошлого сегодня? Ключевое слово в этом вопросе — «нашего» — то есть нашего *общего* прошлого. Это замечание выводит нас на ещё более общий и более глубо-

кий вопрос: а что вообще создаёт из разных этносов, с их собственной историей и культурой, единый великий имперский народ? Народ, способный из разрушенной вдрызг страны построить за два десятка лет великую индустриальную супердержаву. Способный выигрывать мировые войны и (единственный!) останавливать коричневую изуверскую чуму фашизма. Способный в кратчайшие сроки после страшной войны, унёсшей миллионы жизней и разрушившей страну, построить лучшие в мире образование и науку, послать человека в космос, выиграть ядерную гонку не на жизнь, а на смерть с самой мощной экономикой мира, ничуть не пострадавшей в войне. Что создаёт такие народы?

Ответ прост. Любой народ вообще, а имперский, объединяющий в себе много этносов и культур, в особенности, создают, прежде всего, две важнейшие скрепы: общий *язык* и общая *история*. Это — историческая аксиома. И когда исторические соперники народа пытаются его уничтожить (принизить, поработить и т.п.), они всегда ведут *главную* войну не против солдат и пушек, но против языка и истории. В этой войне выигрывают и побеждают не солдаты и генералы, а учителя истории и литературы и министры образования. Начнём с истории.

Начнём с того, что История сама по себе — всегда вещь сложная и неоднозначная. Исторический процесс в каждый свой момент преисполнен великого и смешного, высокого и низкого, прозрений и заблуждений, предательства и героизма как отдельных людей, так и целых наций и государств. Проще говоря, в шкафах истории любой страны таится множество как «скелетов», так и «жемчужин». Учитывая это, во всех без исключения странах, претендующих хоть на какую-то политико-историческую самостоятельность, существуют две версии истории — публичная и архивная. Первая преподаётся в школах и широко представлена в публичном пространстве, вторая — является объектом интереса профессиональных историков и в публичное пространство почти никогда не попадает. Цель истории публичной (школьной) — прежде всего, научить будущих граждан гордиться своей страной, ценить «жемчужины». Это формирует единую историческую память (ту самую «любовь к отеческим гробам»), объединяющую разных людей и разные национальности в единый народ. Это не значит, что школьная история не должна вообще упоминать о «скелетах» — исторических трагедиях и ошибках. Она это делает, но делает всегда очень деликатно, расставляя акценты. Например, в английских школах, когда вспо-

минают королеву Елизавету, современницу Иоанна Грозного, акцентируют внимание не на политике огораживаний (имевшей, по правде, форму социального геноцида) и не на поощрении государственного пиратства (самый известный пример чему — Ф. Дрейк), а на геополитических успехах королевы, её роли, как строительницы мирового могущества Великобритании. Аналогичным образом, вспоминая итоги британской колонизации, и английские школьные учебники акцент делают на просветительской «миссии белого человека», воспеваемой Киплингом, а не на фактах беззастенчивого грабежа и угнетения колоний. Точно так же в американских школьных учебниках, говоря о XIX веке, вспоминают Войну Севера и Юга как войну за независимость рабов (не акцентируя внимания на экономико-политической подноготной этой сложной и трагичной войны), и почти ничего не говорят о геноциде индейцев, принявшем в этом веке поистине массовые формы, приведшие почти к полному уничтожению коренного населения. Исследования «скелетов» — удел истории архивной, очень редко выходящей в публичное пространство, что всегда сопровождается скандалом и общественным резонансом.

Трагедия России заключается в том, что наша страна единственная в новейшей истории пережила бес-

ИСТОРИЯ

прецедентную по масштабу и накалённости *войну с собственной историей*, развязанную во второй половине 1980-х — первой половине 1990-х гг. Обсуждение субъектов и режиссёров этой войны уведёт нас далеко в сторону, поэтому остановимся на главном — её сути. Суть этой войны, говоря образно, заключалась в широкомасштабной кампании по вытаскиванию из исторических шкафов «скелетов» и сокрытию «жемчужин». Причём «скелеты» вытаскивались не только собственные, действительно лежавшие в шкафах, но и заботливо подброшенные туда западными «доброжелателями» или «подкрашенные» собственным истерически-интеллигентским диссидентским сообществом. Все сложные и противоречивые, трагичные и неоднозначные моменты истории (в первую очередь — советской) трактовались в обвинительном и обличительном духе. Но ведь на разрушении Священных Камней СССР дело не закончилось. Начав с обличения «исторических преступлений» Сталина и Берии, перешли к глумлению над народными героями — З. Космодемьянской, А. Матросовым, Стахановым и т.д. Добрались потом и до российской истории вообще. Пока одни обсуждали вопрос о канонизации Царской семьи, другие, вождельно подхихикивая, обсуждали (публично!) «интригу» Императрицы с Распутиным. Потом в поле та-

кого же низко-подхихикивающего и истерично-злобного обсуждения оказывались и Екатерина II, и Иоанн Грозный, и другие персонажи российской истории. Потом в новодворско-старовойтовском духе оказалась проблематизирована *русская истории вообще*. Вдруг оказалось — что мы — великий имперский народ, подаривший человечеству величайшие сокровища культуры (чего только стоят русская живопись, русская музыка, русский балет во главе с великой русской литературой, русская наука и инженерия), народ, жертвенно остановивший фашизм, — какие-то исторические выродки, заслуживающие лишь одного — учиться у «цивилизованного» (западного) мира. В результате этой войны с историей у всего нашего великого народа (как в его целом, так и в отдельных национальностях) сформировались и проявились все симптомы *культурно-исторической шизофрении*. Вы скажете, что я сгущаю краски? Но откуда тогда взялась страшная, глупая и пошлая фраза, гулявшая по нашей стране в 1990-е. Фраза, которую мне — тогда ещё студенту — приходилось слышать и в Москве, и во Владимире, и в Калининграде, и здесь — на Кубани, и на Кавказе? Фраза, пугающая своей низостью и скотством, фразу, которую почти невозможно было бы представить в стране, положившей на алтарь Победы миллионы жизней, если бы её действительно

не произносили тогда часто. Фраза такая: «Да лучше бы нас в 1945-м году немцы завоевали: мы бы сейчас все баночное пиво пили!». Не говорите, что вы не слышали этой фразы, её повторяли часто и много, причём, — что самое страшное! — не с экранов телевизоров, а в транспорте и на кухнях. Произошло самое страшное, что могло произойти, — народ, утративший благоговение к «отеческим гробам», начал на этих гробах плясать. Плясать безумно и жалко, на радость своим историческим и геополитическим противникам.

При этом как-то из публичной истории ушло понимание того, что эти противники всегда существовали и продолжают существовать. Что Россия всегда с трудом, преодолевая их яростное сопротивление, несла свою весть миру. Что война с Россией велась всегда и на фронте собственно военном, и на фронте гуманитарном. Что с этими (вполне реальными, а не выдуманскими!) противниками очень по-разному, но в одном ключе боролись русские политики и гуманисты: и Александр Невский, и Дмитрий Донской, и Сергей Радонежский, и Иоанн Грозный, и старец Филофей, и Пётр I, и Екатерина II, и А.С. Пушкин, и Николай I, и С.С. Уваров, и Ф.М. Достоевский, и М. Горький, и Н. Островский, и И. Сталин, и многие-многие другие великие политики и гуманиста-

рии Государства Российского. Вопрос о том, какую именно весть несла Россия миру, преодолевая сопротивление и нападки, требует отдельного серьёзного разговора. Отчасти этого вопроса мы касались в совместной статье с моим коллегой и другом А.А. Остапенко. В самой поверхностной и общей форме можно ответить на этот вопрос так: русская весть миру всегда была *вестью о смысле и милосердии*, напоминанием о том, что не хлебом единым жив человек и что не может человек быть счастлив, если ближнему плохо. Именно об этом буквально кричала вся русская классическая литература, к вопросу о роли которой мы ещё вернёмся.

Не имея возможности погружаться в дебри вопросов об исторических и современных политических противниках России, скажем лишь, что они всегда были и никуда не делись. Здесь сразу же определённая категория читателей задаст возмущённый вопрос: «О каких противниках идёт речь, опять эта риторика холодной войны, неужели вы не видите, что мир идёт по направлению к единой цивилизации, провозвестниками которой становятся глобальные рынки и глобальная культура? Давайте нормально жить как все, и всё будет нормально». Простите, мои прекраснотушные друзья, но это не просто не так, это совсем наоборот. Никакого единства в со-

ИСТОРИЯ

временном мире нет. В мире идёт острая грызня за ресурсы (что немаловажно) и за смыслы (что главное!). Идёт грызня между глобальными мировыми центрами силы не просто за раздел сфер влияния, но за будущий миропорядок. Эти процессы имеют столько же общего с разговорами о «глобальных рынках», «единой цивилизации» и «мирном сосуществовании», сколько фашистская пропаганда об «освобождении народов России от коммунистического ига» имела с реальной практикой действий нацистов на территории СССР во время Войны. Или после Югославии, Ирака, Ливии, Сирии и Украины ещё кто-то верит в добрых заокеанских консультантов, бескорыстно несущих «отсталым» народам сладкую конфету демократии и процветания? Если есть — то несчастен и жалок, а отнюдь не блажен, кто верует, ибо не понимает очевидного: иракский, ливийский, сирийский, украинский колокол звонит по нам.

Однако вернёмся к Истории. Сегодня мы видим, как историческое безумство страшных лет Перестройки и 1990-х проходит. Страна, презревшая свои святыни, хочет к ним вернуться. Мы опять хотим гордиться своим прошлым и настоящим. Это значит, что нам сообща нужно сегодня изживать последствия войны с историей и вызванной ею историко-культурной шизофрении. Такое изживание (выздоровление)

не бывает лёгким. И здесь, чтобы объяснить свою мысль, приведу одну развёрнутую метафору.

Общество и государство часто сравнивают с семьёй, что началось ещё с Аристотеля. Эта аналогия во многом верна, верна она и в отношении исторической памяти. В иудейской, христианской и исламской традициях фундаментом отношения человека к Богу, ближним и себе самому является Декалог — 10 Заповедей. Среди них есть одна, очень важная для любой семьи — пятая заповедь: «Почитай отца и мать». Заповедь эта в равной степени относится к семье малой и к семье большой — государству. Представим, что живёт большая семья, которая, как и положено семье, имеет свои семейные предания, семейную героину, семейную мифологию, наконец. Мифология такая ничего не имеет общего с обманом. Просто, например, отец, бывший в молодости сорвиголовой и хулиганом, а потом ставший упорным и честным тружеником, добившимся многого честным и жертвенным трудом (а таких ведь действительно много!), поучая своих детей, вспоминает лишь свои трудовые подвиги, а отнюдь не хулиганские проделки. Аналогично и мать, которая, может, в юности и была легкомысленной, но потом стала искренней и честной матроной, поучая дочерей, рассказывает им о верности и терпении, а не об ошибках молодости.

И тут представим, что появляется кто-то злой и вкрадчивый, и начинает говорить детям: «А ты знаешь, что твой папа вовсе не такой правильный, как он вам рассказывает? А ты знаешь, что он в юности, случалось, и гопником бывал? А мама ваша, та вообще... А хочешь, я тебе про них и не такое расскажу... Ты знаешь, что они (родители) всегда хуже к тебе относились, чем к брату (сестре). А других твоих братьев они вообще в детдом отдали...». И т.д. и т.п. Другими словами, этот кто-то злой и вкрадчивый начинает *искушать детей*. Такой подход — это очень старое искушение — *искушение Хама*, готового видеть пороки отца своего и смеяться над ними. В Библии и Коране очень хорошо показано, что для тех, кто поддастся этому искушению, есть справедливое наказание — родительское проклятие. Реакцией на подобное искушение может быть реакция Хама, смеющегося над срамотой отца своего, а может быть реакция его братьев, сознательно отвернувшихся и не захотевших (из Любви, а не из глупости!) видеть срамоты отца своего. И здесь опять-таки определённая категория читателей скажет, что «правда есть правда, какой бы горькой она ни была».

Ну что ж, давайте продолжим нашу аналогию. Предположим, что этот кто-то злой и вкрадчивый поймал детей семьи на «же-

лании знать правду», да только заодно с правдой выложил им кучу лжи и поклёпов: «Мол, папа ваш не только, бывало, в магазинах воровал, но и людей мочил, и девушек насиловал. А мама, та не просто нескольких кавалеров до свадьбы имела, но и вообще была проституткой. А братика вашего они не то что в детдом сдали, а попросту съели его в голодные годы». И т.д. и т.п. Какой будет естественная реакция большинства детей этой несчастной семьи на такие откровения? Реакция эта будет очевидной — глубокий психологический шок, вызванный расщеплением сознания (между тем, что знал с детства, и тем, что услышал от злого незнакомца), ведущий напрямик к шизофрении. Это вам любой психиатр подтвердит. Разумеется, будет играть роль индивидуальная психологическая устойчивость каждого из детей. У кого-то сразу «съедет крыша». Кто-то начнёт «бухать» — заливать горе. Кто-то порвёт с семьёй и уедет в далёкие дали — «век бы вас не видеть» и т.п. Но одно совершенно точно — те, кто согласился послушать коварного незнакомца и жадно внимал его рассказам, *жить по-прежнему уже не смогут никогда*. Теперь представим, что эти несчастные и глупые дети, хлебнув горя порознь и поняв, что злой незнакомец их просто «развёл», чтобы ограбить, решили вер-

ИСТОРИЯ

нуться к родителям и вновь жить большой семьёй. Им будет очень не просто это сделать: помимо собирания хозяйства (что само по себе очень сложно), им нужно будет, во-первых, лечиться (одному от алкоголизма, другому от эгоизма, третьему от шизофрении и т.д.), а во-вторых, восстанавливать веру в свои общие корни, в отца и мать. Им нужно будет передать своим детям (с детства видевшим семейный раздрай) *веру в то, во что они сами веру когда-то утратили.*

Приведённая аналогия, со всей условностью, свойственной аналогиям такого рода, иллюстрирует сказанное о войне с историей и её последствиях. Сегодня нам нужно вместе эти последствия преодолеть. Это сложный и долгий процесс. Но его важнейшей составляющей должна стать замена хамского «правдолюбия» на почтительную сыновью деликатность и любовь, отводящие глаза от грехов родителей. Или, переходя от языка притч к языку социологии, нам нужно восстановить нормальную публичную историю.

Здесь есть определённые технические и организационные сложности. В период войны с нашей общей большой Историей во всех без исключения регионах России произошёл один и тот же процесс: региональные власти, пытаясь хоть как-то сохранить «чувство корней»

у молодёжи, историческую идентичность, сделали ставку на краеведение. Во всех школах всех регионов стали повышенное внимание уделять истории местной, региональной, справедливо полагая, что это позволит сохранить чувство Родины для детей и юношества. И это действительно во многом помогло, и честь и хвала тем педагогам, учёным и управленцам, которые создавали соответствующие учебники, читали курсы, внедряли программы. Эта — *краеведческая — модель* истории помогла нам пережить лихолетье и не утратить своих корней. Однако в этой модели есть и свои риски — риски забывания Большой Родины ради Родины малой. Напомню ещё раз — Большая Россия складывалась не сразу и непросто. История каждого региона, наряду с жемчужинами общей великой Истории, хранит и скелеты своей региональной боли и противоречий. И на этой боли и этих противоречиях (малых, в сравнении с Великой общей Историей, но тем не менее — болезненных) можно играть. Как играют иногда, кто-то по глупости, а кто-то и не без злого умысла, на боли Кавказской войны.

Сегодня становится очевидно, что если мы хотим вернуться к корням, вновь обрести утраченное «самостоянье» — историческую идентичность, нам нужна *иная модель публичной (школьной) истории.* Мо-

дель с акцентом не на краеведении, а на общей истории Великой страны, истории, примиряющей Киевский, Московский, Петербургский, Советский и Постсоветский периоды нашей истории. Истории, основанной на бесценных жемчужинах, а не на скелетах, истории, воспитывающей любящих и гордящихся своей страной граждан, а не цивилизационных выродков, страдающих комплексом исторической неполноценности. Это, безусловно, требует внимания к истории на уровне федеральном, уровне общегосударственном, подразумевающим соответствующие изменения и в учебных планах, и в учебниках.

Возвращаясь к истории Кавказской войны, скажу, что лично мне наиболее адекватным её описанием в учебниках кажется то, которое будет делать акцент на изначально мирном движении Кавказа и России навстречу друг другу и роли стратегических конкурентов России (Англии, Франции, Турции, Австро-Венгрии и др.) в её разжигании и провоцировании. Такой взгляд на ту войну как на трагическое недоразумение, порождённое объективной необходимостью, поможет, как мне кажется, преодолеть крайности и соблюсти ту самую деликатность, без которой общая история становится невозможной.

Вторая важнейшая скрепа, объединяющая нации и народности в один большой народ, это, как уже

говорилось, — язык. Язык любого народа — эта его литература. Ввиду сложности и обширности этой темы скажу лишь самое главное.

Людям, составляющим народ, важно не просто изъясняться так, чтобы понимать друг друга, им нужно нечто большее. Это большее — единство образов и метафор и выражаемых ими смыслов и ценностей, единство понимания человека и предельных вопросов человеческого бытия, единство примеров и героев, на которых можно воспитывать детей и объяснять им сложность и противоречивость жизни. Всё это даёт народу его литературу, несущая и сохраняющая его язык — хранилище смыслов и образов. Для нашего великого народа таким хранилищем, безусловно, является язык Великой русской литературы, представляющей собой одну из величайших (если не самую великую) вершин мирового литературного смыслотворчества. Однако неправильно, как это иногда делается, сводить великую русскую литературу к её «золотому веку» — уникальным по своей глубине и выразительности творениям Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова и других классиков. Это, вне всякого сомнения, ядро нашей литературы, но *вся* она намного шире. Величие русской литературы в том, что она смогла вобрать в себя ге-

ИСТОРИЯ

ниальных представителей всех народов большой России, и никогда не пыталась быть «этнически чистой». Наша великая литература всегда была интернациональной. Наиболее ярко это проявилось, конечно, в советский период. Наряду с Горьким, Шолоховым и Шукшиным в русскую литературу на равных вошли и пламенные кавказские рифмы Гамзатова, и пронзительная проза Айтматова, и (говорю, как адыг, с особой гордостью!) сочная и реалистичная проза Керашева, и огромное количество других произведений этнически самых разных писателей, поэтов и драматургов. И в этом смысле русский язык, язык большой русской литературы — поистине язык интернациональный, вобравший и в себя и помогший выразить свою правду всем без исключения народам и этносам нашего общего дома — Государства Российского.

Но нужно понимать и то, что русский язык, язык русской литературы, тоже стал объектом войны. И последствия войны с языком нам нужно изживать не менее яростно, чем последствия войны с историей, если мы хотим сохраниться как целое, как народ, имеющий общие смыслы и ценности. Ведь именно язык является их хранителем.

Русский язык пережил в последние 20–25 лет *четыре* мощнейших и сокрушительных интервенции. Пер-

вая из них — это интервенция криминального сленга (по-научному «арго», в просторечии — «феня»), захлестнувшего страну в конце 1980-х — начале 1990-х. На фене заговорили вдруг все — студенты и преподаватели, киногерои и ведущие телепрограмм, политики и философы. Слова «кинуть», «замочить», «забить стрелку», «беспредел», «лох» и т.д. и т.п. стали обыденной частью нашего языка. Это очень небезобидная вещь, связанная с проникновением в массовое сознание (вместе с языком) элементов криминальной психологии и идеологии. Возникла мода на криминальную романтику, в значительной мере институализированная кинематографом и другими массмедиа. Соответственно не приходится удивляться кратному увеличению масштабов преступности в постсоветской России. Параллельно с распространением «фени» происходило интенсивное растабуирование мата, вдруг ставшего языком не только алкоголиков и бомжей, но и вполне приличных парней-студентов и миловидных девушек-школьниц.

Вместе с языком криминальной подворотни в нашу повседневность вошли несомые этим языком смыслы — «блатная» идеология — «понятия». Суть этой идеологии часто «замыливается» в сознании обывателя слезливо-мелодраматичным криминальным фольклором (из серии «голуби летят над нашей зоной»).

Суть эта проста — это идеология социальных хищников, безжалостных к слабым, идеология превосходства «право имеющих» над «тварями дрожащими» (в криминальном варианте — «лохами»). Идеология эта проникла повсеместно: и в нормы ведения бизнеса, и в отношения с коллегами по работе, и подростковые компании, и даже — в отношения мужчин и женщин. «Развести» и «кинуть» — стали не просто экзотическими словами, а вполне реальными аспектами повседневных взаимоотношений соседей, коллег и однокурников.

Вторая травмирующая язык интервенция — это интервенция англицизмов, хлынувших в нашу повседневность вместе с перестройкой и «феней». «Маркетинг», «менеджмент», «контролинг», «аутсорсинг», «логистика», «лизинг» и т.п. — стали словами-маркерами, отделяющими «продвинутых» от «отсталых». Заимствуя и активно используя весь этот англоязычный бизнес-сленг, мы все признаём одно печальное обстоятельство — русский язык перестаёт быть языком современности, им стал английский, причём в коробящем слух людей, получивших классическое инъязовское образование, варианте «American-English».

Третья интервенция была, по моему, хуже двух предыдущих. Речь идёт об интернет-сленге, буквально взорвавшем русский язык упро-

щениями, коверканиями и сокращениями как в письменной, так и в устной речи.

Результатом этих трёх интервенций, произошедших почти синхронно, стала резкая примитивизация выразительных средств актуального языка, прежде всего языка молодёжи, всё более напоминающего язык Элочки-людоедки, обогащённый матом и бизнес-терминами.

Однако самой страшной была, наверное, четвёртая интервенция, связанная не столько с языком как таковым, сколько с трансформацией самой литературы и опирающегося на неё кинематографа. Об этом очень хорошо писал В. Ерофеев в предисловии к сборнику «Русские цветы зла»:

«Разрушилась хорошо охранявшаяся в классической литературе стена [...] между агентами жизни и смерти (положительными и отрицательными героями). Каждый может неожиданно и немотивированно стать носителем разрушительного начала; обратное движение затруднено. [...] Красота сменяется выразительными картинами безобразия. Развивается эстетика эпатажа и шока, усиливается интерес к "грязному" слову, мату как детонатору текста. Новая литература колеблется между "чёрным" отчаянием и вполне циничным равнодушием. В литературе, некогда пахнувшей полевыми цветами и сеном, возникают новые запахи — это вонь.

ИСТОРИЯ

Всё смердит: смерть, секс, старость, плохая пища, быт. ... На место психологической прозы приходит психопсихологическая».

Это — очень точный диагноз произошедшего в современной русской литературе и вообще культуре, которая вопреки модным идеям всегда определяется именно литературой, а отнюдь не Интернетом и кинематографом, ибо они — всегда вторичны по отношению к литературе. Об этом очень правильно и точно пишет тонкий западный интеллектуал У. Эко в своей статье «От Интернета к Гуттенбергу». Можно назвать произошедшее *интервенцией зла*, приведшей к чудовищной вещи — инверсии героев. На смену традиционному герою — «хорошему парню», сражающемуся с «плохими парнями» за высокие идеалы, пришёл новый герой — симпатичный негодяй, сражающийся с ещё большими негодяями за деньги и успех. Сказанное, разумеется, схематично, но любое развёрнутое обсуждение упомянутых процессов потребует отдельной статьи, а то и книги.

Вновь вернёмся к конструктивному вопросу, извечно волнующему русскую интеллигенцию, — что

делать? Ответ прост и сложен одновременно, какими всегда бывают ответы на простые и глубокие вопросы. Просто нужно нам всем вместе реанимировать глубоко травмированные за последние три десятилетия историю и язык. Преодолеть последствия той страшной войны с историей и языком, которая велась и продолжает вестись до сих пор. Войны, которую наиболее ярко стало видно в отблесках «коктейлей Молотова», взрывающихся на братской Украине, но отнюдь не исчерпывающейся этими взрывами, а имеющей множество куда более тонких и опасных форм.

И совершенно очевидно, что это та война, которую выигрывает и проигрывает школьный учитель — учитель истории и литературы. И совершенно очевидно, что эту войну он не сможет выиграть сам по себе. Ему нужно адекватное командование (руководители образования), нужны карты и боеприпасы (учебные планы и учебники), и самое главное, что нужно в любой войне, — народная любовь и поддержка. Что конкретно представляют собой эти слагаемые — темы будущих статей, и не только моих.